


АКАДЕМИК
С. С. ШВАРЦ








К 275-ЛЕТИЮ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ УЧЕНЫЙ СОВЕТ
ПО БИОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ

АКАДЕМИК
С. С. ШВАРЦ
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ
ВОСПОМИНАНИЯ
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЕКАТЕРИНБУРГ — 1999



УДК 547(092)

Академик С. С. Шварц. Материалы к биографии. Воспоминания. Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
ISBN 5—7691—0888—6.

Книга издается к 80-летию со дня рождения выдающегося эколога, одного из первых академиков на Урале Станислава Семеновича Шварца. В ней отражены главные вехи его научной биографии и оценен вклад в современную экологию. Представлены воспоминания тех, кому выпало счастье близкого общения с С. С. Шварцем, публикуется список основных его работ и одна из лекций — “О профессионализме научного работника”. В качестве иллюстративного материала использованы фотографии из личных архивов Баразговой Е. С., Добринского Л. Н., Куликова Н. В., Пястоловой О. А.

Книга адресована широкому кругу читателей, может представлять интерес для специалистов в области экологии и истории биологии.

Под редакцией
академиков РАН В. Н. Большакова, П. Л. Горчаковского

Составители:
А. Г. Васильев, Л. Н. Добринский, О. А. Пястолова,
М. Я. Чеботина

ISBN 5—7691—0888—6

А $\frac{\text{ПРП-1998—147(98)}}{8\text{П6(03)1998}}$ ПВ-1999

© Институт экологии
растений и животных
УрО РАН, 1999

ВЕХИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА С. С. ШВАРЦА (В. Н. Большаков, Л. Н. Добринский)	5
ПРОВОЗВЕСТНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (П. Л. Горчаковский)	19
УРОКИ МУДРОГО ЧЕЛОВЕКА (С. А. Мамаев)	29
БИОЛОГ “ОТ БОГА” И РОМАНТИК ЭКОЛОГИИ (Ю. И. Новоженев)	35
ФЕНОМЕН ШВАРЦА (Л. М. Сюсюмова)	43
С. С. ШВАРЦ И ИСТОРИЯ РАДИОЭКОЛОГИИ НА УРАЛЕ (Н. В. Куликов)	49
МОЙ УЧИТЕЛЬ (О. А. Пястолова)	55
ДОРОГА С. С. ШВАРЦА (В. Г. Оленев)	65
ОН ЛЮБИЛ ЯРКИЕ ПРИМЕРЫ (В. К. Рябицев)	77
“Я ГОТОВ ГРУЗИТЬ КАМНИ...” (В. Г. Ищенко)	89
МОИ ВСТРЕЧИ С АКАДЕМИКОМ С. С. ШВАРЦЕМ (И. С. Даревский)	97
С. С. ШВАРЦ КАК ПЕДАГОГ (Н. В. Пешкова)	101
МОЙ ДОРОГОЙ С. С. (В. Д. Ильичев)	107
С. С. ШВАРЦ — РУКОВОДИТЕЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ (В. А. Межжерин)	113
С. С. ШВАРЦ И ФИЛОСОФИЯ (М. Н. Руткевич)	119
ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СЕВЕР (В. А. Яскин)	125
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ (Е. С. Барзгова)	135
ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО (Ю. В. Липатников)	141
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ (В. В. Плотников, М. В. Придня, Н. С. Москвитина, М. И. Брауде, Л. Я. Топоркова, А. Г. Василь- ев, В. И. Корюкин, А. М. Болотников), Т. В. Фамелис, М. Я. Че- ботина, Н. Н. Никонова, Л. С. Маринина, М. Г. Нифонтова, Л. А. Ковальчук, Е. В. Макарова, В. И. Гаранин, Н. В. Башенина, Ю. Ф. Рождественский, С. А. Корытин, Г. Ш. Каджая, Р. Р. Рей- мов, С. Н. Санников, А. Т. Токтосунов)	149
С. С. ШВАРЦ. О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ НАУЧНОГО РАБОТНИКА	163
СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ С. С. ШВАРЦА	175
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	200







П. Л. Горчаковский

ПРОВОЗВЕСТНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Апология экологии

Теперь слово “экология” вошло в повседневный обиход, мы его ежедневно встречаем на страницах газет, слышим в радио- и телепередачах, его научились произносить и государственные деятели, и домохозяйки. Но в конце 50-х гг. оно было в ходу лишь среди узкого круга специалистов, да и то не все из них считали, что такая наука имеет право на существование. Некоторые чиновники относились к слову “экология” настороженно: не очередное ли это порождение “загнившей западной цивилизации”, вроде корпускулярной теории наследственности или кибернетики?

С. С. Шварц посвятил свою жизнь разработке теоретических основ экологии, показу ее значения, сфер приложения, ее роли в современном мире. Когда он начинал свою деятельность, эта наука, во всяком случае у нас, была подобна джинну, загнанному в бутылку: время ее всеобщего признания еще не пришло. Своими трудами, всей своей деятельностью Шварц способствовал выработке нового экологического мышления в нашей стране.

Интеллигентность

Пытаясь определить одним словом характерные черты С. С. Шварца как личности, я не нахожу более удачного эпитета: он был интеллигентом в полном и лучшем смысле слова. Это качество не пришло к нему от Бога — он развил, взрастил его в себе, осваивая духовное наследие прошлых

поколений, общаясь с интересными людьми, увлеченными, как и он сам, наукой.

В раннем возрасте Станислав Семенович потерял отца. Его мать, работавшая в то время машинисткой, оставшись вдовой с ребенком на руках, приложила все силы, чтобы сын получил хорошее образование. В Ленинградском университете студент Шварц удивлял профессоров тем, что не ограничивался слушанием лекций и чтением учебников, а штудировал в оригинале произведения классиков естествознания. Круг его интересов был очень широк. На протяжении всей своей сознательной жизни он сохранил увлечение философией. Свободно владел немецким языком, неплохо знал английский и французский. Интересовался живописью, художественной литературой, историей.

На протяжении многих лет, не гнушаясь черновой работы, С. С. Шварц был исправным сотрудником “Реферативного журнала”. Через его руки проходил огромный поток научной литературы. Он всегда был в курсе всех новинок и брал на вооружение достижения мировой науки, подхватывая новые идеи и обогащая арсенал фактических данных.

Однако настоящая интеллигентность — не только эрудиция, она не ограничивается обширным запасом знаний. Это одновременно и бескомпромиссность в отстаивании истины, недопустимость сделок с совестью. Случилось так, что однажды судьба неожиданно столкнула С. С. Шварца с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, который в те годы еще не был легендарным “Зубром”, прославленным в книге Даниила Гранина. В глазах общественности Н. В. Тимофеев-Ресовский был человеком с сомнительной, а для некоторых даже и запятнанной репутацией, невозвращенец, работавший в фашистской Германии, отбывавший наказание в исправительно-трудовом лагере. Крылатая фраза “у нас зря не сажают” в то время еще для многих оставалась аксиомой. И вот в 1955 г. “Зубр”, проработавший в течение нескольких лет на закрытом объекте, был переведен вместе с группой сотрудников в Институт биологии под начальство Шварца. Как должен был относиться к нему еще молодой и недостаточно опытный директор института, только начинавший свою административную карьеру?

Нельзя забывать об обстановке того времени. Зловещая тень Трофима Лысенко, шарлатана с высокими академическими званиями и огромным количеством правительственных наград, еще нависала над биологической наукой всей страны. Шварц не мог не помнить печальную судьбу одного из своих предшественников на директорском посту, основателя Института биологии УФАИ, замечательного ученого и организатора науки профессора Василия Ивановича Патрушева. После пресловутой “августовской сессии” ВАСХНИЛ 1948 г. Патрушев был заклеен “вейсманистом-морганистом”, снят с должности директора, долго находился без работы. Это потрясение подорвало его здоровье. Какую позицию следовало занять молодому директору по отношению к “Зубру”, которого справедливо считали одним из основоположников заклеенной классической генетики и несправедливо — чуть ли не изменником Родины? Ведь он был в свое время на дружеской ноге с “самим” Морганом и “самим” Добжанским, апостолами хромосомной теории наследственности, о чем свидетельствовали групповые снимки, которые он охотно всем показывал. Тимофеев вел себя в институте, да и за его пределами, совершенно независимо, часто выступал на ученых советах в своей оригинальной манере, где изящество формулировок и сложная “западная” научная терминология удивительным образом сочетались с чисто русским чертыханием. Он, не стеснясь, открыто называл “учение” Лысенко “невероятной чепухой”.

С. С. Шварц сразу же распознал в “Зубре” крупнейшего, оригинально мыслящего, принципиального ученого. Он знал, чем рискует, но, проявив большое гражданское мужество, не только не притеснял Тимофеева-Ресовского, не одергивал его во время публичных выступлений, но и создал ему прекрасные условия для работы, буквально “тепличную обстановку”, защищал его от нападок. Работая в Институте Шварца, Тимофеев, не имевший даже документа о высшем образовании, заведовал лабораторией, руководил подготовкой аспирантов, редактировал и выпускал сборники трудов, организовывал в Миассово знаменитые коллоквиумы (“трёпы”, по его терминологии), куда съезжались из разных научных центров приверженцы настоящей на-

уки, разъезжал по стране, выступая с лекциями в Душанбе, Ереване и Москве, преподавал в Уральском госуниверситете. Все это было возможно лишь при активной поддержке со стороны Шварца. Он же помог Тимофееву, преодолев массу рога-ток и препон, защитить по совокупности работ в своем же ин-ституте докторскую диссертацию, причем защита превратилась, по словам одного из оппонентов, академика Л. А. Зенкевича, в под-линный “праздник науки”.

Все это произошло лишь потому, что Шварц ценил ученых по их собственным заслугам, отмечая какие-либо конъюнктур-ные соображения. Этот же принцип он применял при комплек-товании руководящего костяка института — заведующих лабо-раториями, подобрав на эти должности специалистов, способных возглавлять конкретные научные направления.

Гуманизм

Жизненный путь С. С. Шварца не был усыпан розами, немало встреча-лось на нем булыжников и колдобин.

В самом начале Великой Отечественной войны, в 1941 г., он ушел из Ленинграда добровольцем на фронт, был ранен, провел в осажденном городе часть периода блокады, видел разрушения, страдания людей. Может быть именно поэтому в каждом со-труднике он видел не просто “винтик” в служебном механизме, но живого человека с его невзгодами и радостями, достоинства-ми и недостатками. Как руководитель учреждения Шварц был очень демократичен и доступен, к нему обращались все, незави-симо от звания и положения как по служебным, так и по лич-ным делам. Во время субботников (а их было немало, так как многие сооружения на территории института были воздвигнуты силами сотрудников) Станислав Семенович трудился вместе со всеми, в простой рабочей одежде, с лопатой или носилками в руках.

Он не терпел склок и кляуз. Возникавшие иногда неполадки старался разрешить в самом зародыше, не давая им перерасти в конфликты, способные парализовать работу целых лабораторий. В этом отношении он служил примером для своих помощников и заместителей, и они сознательно или подсознательно ему сле-довали.

Шварц культивировал в руководимом им институте атмосферу демократизма, доброжелательности, взаимного уважения и поддержки. Сплоченность, творческий климат во многом определили успех работ коллектива.

Будучи тонким психологом, Шварц хорошо разбирался в людях и умел каждому сотруднику найти наиболее подходящее место в коллективе, где бы полнее раскрылись его способности. Пушкин писал: “В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань”. Но в “колеснице” Шварца, умело им управляемой, были и кони, и трепетные лани, кроты; верблюды и олени, и даже орлы, стремящиеся к заоблачным высотам. И все они делали полезное дело, не создавая помех друг другу. Станислав Семенович часто повторял девиз своего учителя, профессора П. В. Терентьева: “Работай сам и не мешай работать другим”. Он был великим тружеником.

Принципиальность В истории любой науки неизбежно наступают такие моменты, когда после длительного накопления фактов создаются предпосылки для их обобщения. В это время, как принято говорить, идеи “ витают в воздухе ” — стоит протянуть руку, и их можно схватить (впрочем, все-таки нужно знать, когда и как это следует делать). Так произошло в начале 60-х гг. с одним тогда еще новым, а теперь уже ставшим тривиальным, научным представлением. Как-то С. С. Шварцу вместе с одним сотрудником (назову его условно Л. С.) пришлось писать письмо в Академию наук по поводу структурных изменений в институте. И вот тогда-то они включили в письмо фразу о том, что в природе можно выделить несколько уровней организации живого. Л. С., не отличавшийся чрезмерной скромностью, захлебываясь от восторга и самоупоения, стал рассказывать на заседании ученого совета, как ему и Станиславу Семеновичу (по его словам, трудно сказать, кому из них первому, может быть, обоим одновременно) пришла в голову эта замечательная мысль. Но как раз в эти дни мне представился случай получить из Института научной информации для реферирования ксерокопию статьи одного американского ученого, опубликованную на английском языке, которая так и называлась “Концепция уровней интегра-

ции в биологии”. В ней с предельной ясностью развивалась идея о том, что в природе существует своеобразная иерархия уровней интеграции (организации) живого: молекулярный, организменный, популяционный, биоценотический. Когда я сказал об этом Л. С. и предложил ему ознакомиться с этой статьей, он страшно рассердился. Заявил, что статья его совсем не интересует и он знать не хочет ни статью, ни ее автора. Реакция Шварца была совершенно иной: он попросил дать ему статью, внимательно ее прочитал и на другой день, с улыбкой вернув ее мне, сказал: “Это чистейший плагиат!” (имея в виду, что вопрос разработан до него и Л. С. и об их авторстве речи быть не может). После этого Л. С. никогда больше не упоминал об уровнях организации живого. А Станислав Семенович, напротив, взял эту концепцию на вооружение, развивал и пропагандировал ее как в своих трудах, так и в выступлениях. Эта совершенно различная реакция двух ученых на одно и то же событие характеризует еще одну из отличительных особенностей С. С. Шварца и вызывает к нему глубочайшее уважение. Ему было чуждо зазнайство, и в научных делах он был строго объективен. Впрочем, у него было достаточно личных заслуг, чтобы не приписывать себе чужие открытия.

Его детище

Шварц унаследовал от своих предшественников научный коллектив довольно неопределенного профиля. Формально он назывался Институтом биологии УФАН СССР. Но в то же время кавалерийские налеты и разгромы в духе “мичуринского учения” следовали один за другим. Менялись руководители. Каждый “уважающий себя” начальник, ничего не понимая в биологии, считал своим долгом дать “ценные указания” о перестройке работы. Многочисленные комиссии, в большинстве случаев некомпетентные, приходили к противоречивым и часто взаимно исключающим друг друга решениям. Коллектив шаркался из стороны в сторону, не понимая, почему его вдруг заставляют заниматься то раздоем телок (чтобы они, позднее став коровами, давали больше молока), то борьбой с сорняками на колхозных полях. Не отставали и журналисты. В областной газете появилась разгромная статья об институте под названием

“Пустоцвет”. Станислав Семенович с горечью рассказывал о том, как журналисты, посещая, скажем, Институт ядерной физики, уходят оттуда, ничего не поняв, а потом пишут восторженные статьи, насколько, видите ли, сложны эти проблемы, что неподготовленному человеку в них не разобраться. Но когда они посещают биологическое учреждение и уходят, что-нибудь не поняв, они разыгрывают благородное возмущение: вот подумайте только, здесь занимаются какими-то заумными, непонятными проблемами, оторванными от жизни. В то время, с легкой руки Лысенко, почти каждый считал себя способным если уж не разбираться в биологических проблемах, то во всяком случае давать указания по этому поводу.

Став директором, Шварц принял смелое решение модернизировать институт, сделать его настоящим академическим учреждением. Он понимал значение теории, необходимость развития фундаментальных исследований. Глядя вперед по меньшей мере на 20 лет, он обосновал и внес предложение о придании институту строго определенного экологического направления. В 1966 г. Институт экологии растений и животных был формально утвержден. Это было первое в стране научное учреждение такого профиля.

Коллектив института в то время насчитывал всего лишь 58 научных сотрудников, в том числе 3 доктора и 19 кандидатов наук. Он размещался в одном небольшом двухэтажном здании и нескольких домиках барачного типа. Сам Шварц сначала не имел даже отдельного кабинета, он сидел в небольшой комнате вместе со своим заместителем В. Н. Павлиным. Но уже в то время Шварц и его институт стали центром интеллектуального притяжения и формирования экологических идей. Интересно проходили заседания ученых советов, научные собрания, защиты диссертаций, совещания. Сюда охотно приезжали видные экологи из Москвы и Ленинграда: академик Л. А. Зенкевич, профессора Н. П. Наумов, В. И. Цалкин, А. Г. Банников и ученые из других научных центров страны.

С большим энтузиазмом принял Шварц Международную биологическую программу. Она была в основном экологической, и институт активно включился в ее разработку. Исследования проводились главным образом на стационаре “Харп”, причем

они способствовали концентрации усилий всего коллектива на решении одной крупной задачи, выработке общих методических подходов. В 1971 г. вместе с С. С. Шварцем на Международном симпозиуме в Ленинграде с докладами выступили и ведущие ученые института. Участники симпозиума, в том числе известные зарубежные биологи Л. Блисс, Ф. Виелголаски, Т. Росвал, высоко оценили вклад Института экологии УФАИ в разработку международной программы. Яркий след оставил также и проведенный в Свердловске в 1970 г. симпозиум “Продуктивность биогеоценозов Субарктики”.

Так институт, еще не располагавший достаточной материальной базой, благодаря энергии С. С. Шварца и всего коллектива быстро завоевал всесоюзное и международное признание, укрепил свои позиции в научном мире.

Журнал

Мечтой С. С. Шварца было создать не только институт, но и постоянный печатный орган всесоюзного значения. В 1970 г. в результате больших усилий и при поддержке всей научной общественности страны был официально учрежден новый академический журнал “Экология”. Его главным редактором был назначен С. С. Шварц, остававшийся на этом посту до последнего дня своей жизни. Журнал быстро завоевал всеобщее признание. С первого же номера и до настоящего времени он переводится на английский язык в США.

Журнал “Экология”, несомненно, способствует прогрессу бурно развивающейся науки о биосфере, о взаимоотношении человеческого общества с природой и является знаменосцем борьбы за выживание человечества.

Институт сегодня

Основанный С. С. Шварцем институт превратился в крупное научное учреждение всероссийского и мирового значения. В его составе 13 лабораторий, два академика, один член-корреспондент РАН, 24 доктора и 77 кандидатов наук. В лабораториях трудятся ученики и соратники С. С. Шварца — В. Н. Большаков, П. Л. Горчаковский, Л. Н. Добринский, В. Г. Ищенко, В. С. Смирнов, Л. М. Сюсюмова, О. А. Пястолова, Н. В. Куликов и др. Кроме того, из

института выделился в самостоятельное учреждение Ботанический сад УрО РАН во главе с С. А. Мамаевым. Многие молодые сотрудники в своей работе опираются на научное наследие С. С. Шварца, его идеи. Созданная С. С. Шварцем атмосфера творчества, научного поиска, сотрудничества и доброжелательности сохранилась в институте и служит залогом новых успехов коллектива.



